

КУРЛЮТА Ирина Николаевна

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ГЛАГОЛОВ С ОБЩИМ
ЗНАЧЕНИЕМ «ДЕЛАТЬ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI –XIV вв.**

Специальность 10. 02. 01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Калининград

2002

Работа выполнена на кафедре истории русского языка Калининградского государственного университета

Научный руководитель

доктор филологических наук
профессор
С.С.Ваулина

Официальные оппоненты

доктор филологических наук
профессор Е.В.Петрухина
кандидат филологических наук
доцент О.Л.Кочеткова

Ведущая организация – Волгоградский государственный университет

Защита состоится 18 апреля 2002 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета К 212. 084. 04 при Калининградском государственном университете по адресу: 236000, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Калининградского университета.

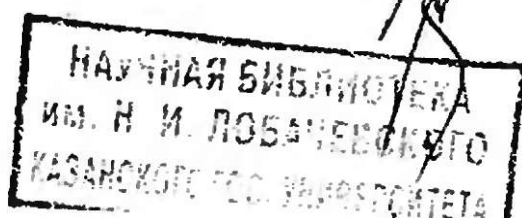
Автореферат разослан *15* марта 2002 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук

доцент

И.Р.Федорова

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию структурно-семантических отношений в лексико-семантической системе древнерусского языка XI – XIV вв. Несмотря на достаточно длительный и весьма активный интерес к истории лексической системы русского языка, остаются неразрешенными некоторые частные вопросы исторической лексикологии. В связи с этим представляет интерес диахроническое рассмотрение одной из подсистем лексико-семантической системы древнерусского языка – семантического поля глаголов с архисемой «делать».

Целью данной работы является анализ функционирования лексических репрезентантов значения «делать» с точки зрения эволюции средств выражения интегральной полевой семантики на протяжении XI – XIV вв., то есть с начального периода существования письменного древнерусского языка до начального периода становления великорусского, белорусского и украинского языков.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что далеко не во всех аспектах древнерусские языковые средства исследованы достаточно полно. Более того, остаются не вполне очевидными и «структурные связи между этими средствами, причины очень многих изменений в их системе, мало что известно собственно о системе древнерусской лексики, о месте среди древнерусских речевых средств общезыковых, литературных и диалектных элементов» (Н.Д.Русинов). Сегодня ни у кого не вызывает сомнения необходимость исторического изучения устойчивых объединений слов и дальнейшее выявление связей между ними. Важнейшей задачей исторической лексикологии является «выявление таких компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, то есть обнаруживают прочные, устойчивые связи» (Б.А.Ларин). Изучение лексического фонда языка посредством детального рассмотрения составляющих его крупных смысловых единиц (синонимических рядов (парадигм), микрогрупп, лексико-семантических полей) позволяет проникнуть в глубинные семантические отношения между элементами языка, а также выявить семантические поля каждого отдельного слова, ибо слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению (М.М.Покровский). Кроме того, всестороннее исследование лексико-семантической системы языка предполагает изучение не только парадигматической, но и синтагматической природы функционирования языковых единиц в общем языковом пространстве, поскольку нельзя отрицать «асимметричный дуализм» лингвистического знака (С.Карцевский).

В плане вышесказанного несомненный исследовательский интерес представляет древнерусская эпоха развития русского языка, поскольку именно в древнерусском языке закладываются основные специфические свойства русской языковой системы, отмечаются активные процессы развития всех систем языка, происходит интеграция книжного и народного речевых вариантов. В этот период народный язык «обогащается опытом книжной литературы, а славяно-русский язык проникается стихией живой восточнославянской речи» (В.В.Виноградов), что существенно расширяет границы вариативных возможностей древнерусского языка.

В центре настоящего исследования находится один из фрагментов языковой картины мира, представленный в виде семантической категории (А.В.Бондарко, Л.М. Васильев, Ю.С.Караулов, А.М.Кузнецов), интегрирующей языковые средства, а именно глаголы с идентифицирующим значением «делать».

Рассматриваемой лексике уже уделялось внимание в некоторых работах, посвященных изучению древнерусского и современного русского языков. Так, в монографии Ф.П.Филина о языке русских летописей речь идет о глаголах *работати*, *дѣлати*, *дѣяти* и их производных в связи с их употреблением в «Повести временных лет» (Ф.П.Филин). Некоторые значения глаголов *трудитися* и *страдати* рассматриваются А.А.Белецким, который, привлекая материалы сопоставительного исследования латинского и греческого языков, показывает закономерные связи в их семантике. С.И. Котков, сравнивая семантику лексем *работати* и *служити*, приходит к выводу о том, что при выборе одного из них значительную роль играет контекст. При этом автор связывает судьбу данных слов с экстралингвистическими факторами, в частности с историей русского общества. К указанной лексико-семантической группе применительно к периоду XVII – XVIII вв. обращается А.Т.Липатов. Проблеме вариативности в группе *творити* – *дѣяти* посвящена работа Н.Г.Михайловской, рассматривающей по преимуществу производные лексемы. На материале памятников XIV – XVI вв. в сопоставлении с украинским языком исследует лексемы со значением «трудового процесса» О.В.Прискока. В семасиологическом аспекте основные значения синонимов *дѣлати*, *творити*, *дѣяти*, *чинити*, *дѣйствовати*, *страдати* и их производные рассматривает Е.И.Державина. Помимо перечисленных работ, в последние десятилетия появились лингвистические разыскания, посвященные интересующим нас глаголам на материале современного русского языка. Так, Б.А. Плотников обращает внимание на сочетаемость глаголов *делать*, *работать* со словами, принадлежащими к разным частям речи, Т.И.Новоселова исследует лексику со значением «созидания» (плить, рубить,

мастерить и т.д.). В работе Т.С.Амелькиной рассматриваются дифференциальные семантические признаки в семантике глагола *делать*. Автор производит семантический анализ денотативных и коннотативных семем данного глагола. Функционированию глаголов с интегральным значением «трудиться» также уделялось внимание некоторыми учеными, однако материалом немногочисленных исследований является лишь современный русский язык (Т.В.Попова, И.Г.Соколова, Т.Г.Скребцова, М.Ю.Труфанова). В прагматическом аспекте рассматриваются указанные глаголы в работе Л.Н.Храмцовой, которая изучает локальное функционирование экспрессивно нагруженной глагольной лексики со значением «работать / не работать» в говорах. Семантике глагола *делать* посвящена диссертация Г.Я.Селезневой, обратившейся к коннотативным семам данной лексемы и их реализации в определенных контекстных условиях. С точки зрения способности к грамматикализации анализирует глаголы с интегральной семой «делать» В.И.Абаев, приводя в качестве сравнительной иллюстрации примеры из французского, английского, немецкого, грузинского, тюркских языков.

Обзор и анализ работ, так или иначе соприкасающихся с проблемой функционирования глагольных лексем с интегральным значением «делать», показал, что данная семантическая сфера не изучена достаточно глубоко как системное явление, в особенности в рамках исторической перспективы. Перечисленные исследования представляются весьма полезными, однако они не решают проблемы многоаспектного рассмотрения языковых фактов.

Научная новизна настоящего исследования определяется сочетанием ономаσιологического и одновременно семаσιологического подходов к изучению онтогенеза одного из фрагментов лексико-семантической системы языка на начальных этапах его существования. Сознвая важность и продуктивность диахронического исследования лексики, в диссертационном сочинении мы сконцентрировали основное внимание на средствах вербальной манифестации указанной выше семантической категории в древнерусском языке. Таким образом, новизна представленной работы связана также с тем, что в русле структурной семантики осуществляется анализ языковых фактов применительно к такому значимому периоду развития русского языка, как период XI – XIV вв. С другой стороны, результаты данного исследования позволяют расширить научное представление о лексической системе древнерусского языка в целом, о парадигматических и синтагматических отношениях в его структуре, о некоторых специфических тенденциях, отражающих закономерности функционирования рассматри-

ваемых лексем, а также об отдельных средствах экспонирования архаических представлений о человеческой деятельности вообще.

Новизна работы обусловлена также выбором **объекта** исследования, поскольку не вызывает сомнения важность анализа лексических средств языка, составляющих его древнейший фонд и функционирующих на определенном этапе его развития, в частности глаголов, реализующих интегральное значение «делать» – конstituентов одноименного семантического поля; их состава, системных отношений, взаимозависимости и вариативных потенций в пределах данной семантической сферы в древнерусском языке XI – XIV вв.

Достижение заявленной цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

- установление семантического объема имени рассматриваемого поля;
- анализ компонентного состава и структуры значения «делать»;
- выделение основных смысловых центров в структуре поля (микрополе с гипосемой «трудиться» и микрополе с гипосемой «действовать, поступать»);
- выявление и описание репрезентантов значения «делать» в древнерусских текстах исследуемого периода;
- анализ дистрибутивных условий реализации полевых гипосем указанными лексическими единицами;
- определение специфики функционирования и семантической эволюции конstituентов рассматриваемого глагольного поля;
- описание структуры семантического поля глаголов с идентифицирующей семой «делать» и системных связей его элементов в полевом пространстве, а также отношений с иными семантическими структурами языка.

Материалом для исследования послужили тексты 88 памятников древнерусской письменности XI – XIV вв., а также Картотека словаря древнерусского языка XI – XIV вв. и Картотека словаря русского языка XI – XVII вв. Лексический материал настоящей работы насчитывает 3600 контекстуальных примеров, извлеченных из текстов методом сплошной выборки. Непосредственному рассмотрению и анализу в настоящей диссертации подвергнуто более 2500 употреблений глагольных лексем, реализующих гипосемы «трудиться» и «действовать, поступать».

При выделении лексико-семантического поля оказываются эффективными приемы оппозитивного, компонентного, контекстуального, трансформационного анализа, а также статистический метод количественных подсчетов и синхронно-диахронный ме-

тод. *Оппозитивный анализ* позволяет наиболее строго выстроить и упорядочить лексические единицы, ибо соответствует системному характеру языка, так как предполагает не атомарность языковых фактов, а их связи (синонимии, антонимии, родовые, деривационные). *Компонентный анализ* в своем роде является частью оппозитивного, ибо сопоставляются не языковые факты (слова или их значения) целиком, а лишь их структурные компоненты, семы (семантические признаки). Однако при использовании этого метода применительно к древнерусскому языковому материалу могут возникнуть и некоторые сложности, заключающиеся в том, что при выделении сем и их толковании всегда существует известная «опасность перехода грани восприятия среднего носителя языка» (Ю.С.Караулов), то есть преобладания в исследовательской позиции субъективизма, причем указанная «опасность» в значительной степени становится более очевидной при историческом исследовании языка, ибо при столь значительной временной дистанции определить эту грань зачастую довольно сложно. *Контекстуальный (дистрибутивный) анализ* логически дополняет метод поля, так как «все семантические поля имеют не только парадигматическую ориентацию, они структурируются и на базе семантических валентностей единиц языка» (Л.М.Васильев). Оппозитивный анализ также связан с контекстуальным, ибо нейтрализации семантических оппозиций, а также диффузные семантические явления нередко определяются синтагматическими условиями. В ходе *трансформационного анализа* производятся пропозициональные синтаксические преобразования, что позволяет разграничить лексико-семантические варианты слов и выявить диффузные значения. *Синхронно-диахронный метод* предполагает понимание языкового процесса как неразрывного, при котором синхронный и диахронный аспекты изучения языковых явлений оказываются принципиально неразделимыми (Э.Косериу, В.В.Виноградов, С.С.Ваулина, И.А.Мельчук).

Теоретическая значимость данного разыскания заключается в возможности использования полученных результатов при дальнейшем изучении истории древнерусского и русского языков, а также при разработке сугубо теоретических проблем функционирования и структурирования семантических полей как языковых фактов в целом.

Практическая значимость работы определяется наличием в ней данных о лексической системе древнерусского языка, которые могут быть использованы в вузовских спецкурсах по исторической лексикологии и лексической семантике, а также в лексикографической практике при составлении толковых и этимологических словарей.

Апробация работы. Материалы настоящего исследования представлены в восьми публикациях, а также в докладах на ежегодных конференциях и семинарах преподавателей и сотрудников КГУ (1999, 2000, 2001), международной научно-практической конференции в МПГУ (Москва, 2000), международном конгрессе исследователей русского языка в МГУ (Москва, 2001), международной научной конференции (Калининград, 2001), международной научной конференции (Светлогорск, 2001).

Структура диссертационного сочинения определяется целями и задачами, поставленными в работе. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, который содержит перечень использованной научной литературы, словарей и энциклопедических изданий, а также указатель источников.

Содержание работы

Во введении аргументируется актуальность темы диссертации, излагаются основные принципы и направления исследования, постулируются его цели и задачи, указываются используемые методы и приемы работы, формулируется ее научная, теоретическая и практическая значимость, а также определяются теоретические основы исследования, касающиеся проблем системной организации лексики (§ 1), определения поля как единицы лексико-семантической системы (§ 2), полевой модели лексического значения (§ 3), компонентного анализа как основного метода исследования значения слова (§ 4), роли контекста в лексикологических исследованиях языковой системы в диахроническом аспекте (§ 5), определения семантического объема глаголов (§ 6), классификаций глагольной лексики (§ 7), основных критериев описания глагольной семантики в свете изучения древнерусского языкового материала (§ 8).

Разграничение в исследуемом семантическом глагольном поле двух микрополей – с конкретной и абстрактной семантикой – нашло свое отражение в структуре настоящей работы и, соответственно, в выделении двух глав. Анализ значений и функционирования лексем в текстах древнерусских памятников сопровождается этимологическими комментариями. В работе в качестве наглядной иллюстрации репрезентации семем интересующего нас семантического поля в каждом параграфе представлены таблицы, содержащие статистические данные о частотности употреблений исследуемых лексических единиц.

Первая глава «Микрополе глаголов с общим значением «трудиться» в древнерус-

ском языке XI – XIV вв.» состоит из пяти параграфов, что продиктовано избранным методом описания глагольной семантики.

В первом параграфе определяются основные структурные особенности организации микрополя с гипосемой «трудиться». Данное микрополе объединяет глагольные лексемы, означающие конкретное физическое действие, субъектом которого всегда является человек. Согласно основным критериям выделения ядра и периферии в лексико-семантическом поле, к ядру лексико-семантического микрополя глаголов с общим значением «трудиться» относятся глагольные лексемы, составляющие лексико-семантическую микрогруппу с идентифицирующей семой «трудиться», основными свойствами которых оказываются абстрактный характер содержания и широкая сочетаемость. К зоне ближней периферии относятся высокочастотные единицы, для которых гипосемы данного микрополя («мастерить», «обрабатывать», «строить») оказываются в древнерусский период основными в структуре значения, например: **сътворити**, **творити**, **дѣлати**, **ставити**, **зѣдати**. В зоне дальней периферии находятся лексемы, для которых интересующее нас значение в древнерусском языке XI – XIV вв. не является основным либо структурно обусловлено и конкретизируется посредством дополнительных семантических признаков, либо актуализируется слабо и фиксируется единичными примерами.

Во втором параграфе рассматривается ядерная микрогруппа глаголов с общим значением «трудиться», которая объединяет лексемы, реализующие ядерное значение рассматриваемого микрополя и отражающие представление о процессе физического труда, в частности, глаголы с абстрактным содержанием и широкими сочетаемостными потенциями: **трѹдити сѧ**, **работати**, **дѣлати**, **творити**, **сътворити**, **страдати**. Последние оказываются в ядре микрополя, поскольку передают идею труда как одной из форм созидательной деятельности человека в предельно обобщенном виде, т.е. без декодирования, иначе – специализации семантики. Вслед за Л.В.Глобилиной, в ядре мы выделяем три зоны: центр, собственно ядро и слабую, «анемичную» зону.

В центре находится самый частотный в данном ряду глагол **трѹдити сѧ**, который остается интегрирующей единицей интересующей нас микрогруппы, сохраняя высокую частотность реализаций в древнерусских текстах XI – XIV веков. Глагол **дѣлати** в древнерусском языке по данным контекстуального анализа также доминирует при реализации ядерной семы микрополя, но с меньшей частотностью. Глаголы **работати**, **творити**, **сътворити**, **страдати** мы относим к «анемичной» зоне ядра, поскольку в древнерусском языке сема «заниматься каким-либо трудом» конкурирует в семанти-

ческой структуре этих глаголов с иными семами.

В третьем параграфе анализируются конститuentы микрогруппы с общим значением «трудиться над изделием, мастерить», в частности, лексемы **сътворити**, **сдѣлати**, **творити**, **сзъдати**, **оковати**, **сольяти**, **оустрити**, **оутворити**, которые, как и элементы микрогруппы с интегрирующими семами «трудиться на земле» и «трудиться на строительстве», репрезентируют представление о трудовом процессе, сопряженном не только с приложением физических усилий, но и с использованием подручных средств. Семантические параметры лексем, вошедших в рассматриваемую микрогруппу, определяют наличие такого объекта действия, для которого характерными признаками являются материальность, предметность, небольшие размеры, незавершенность, иными словами, в каком бы виде (моноклитном или гомогенном, или в виде разрозненных частей) объект действия ни существовал до совершения над ним некоторых манипуляций, он требует доработки, ибо, чтобы превратиться в результат действия, предмет должен стать объектом приложения физической силы человека, его труда.

Как свидетельствуют данные проведенного исследования, в указанной микрогруппе доминирует глагол **сътворити**. На появление у глагола **творити** и его деривата **сътворити** значения «мастерить, изготавливать» могло повлиять наличие потенциальной имплицитной семы «придавать форму чему-либо, формировать», которая выделяется путем сопоставления семантической структуры однокоренных слов **твори-ти** и **творогъ** (ср. ст.-франц. *formage* – «сыр», из вульг.-латин. **formaticum*, производное от латин. *forma*, *formāre* – «придавать форму») (Сл. Черных). Для лексемы же **дѣлати** указанное значение не является неожиданным, поскольку развивается на общеславянской языковой почве в процессе сужения, трехступенчатой специализации семантики («действовать» > «работать» > «мастерить, изготавливать»). В семантической структуре глагола **дѣлати** в древнерусском языке начинается закрепление значения «трудиться над изделием, мастерить, изготавливать», чему способствует деривационная продуктивность лексемы. Думается, что именно на почве указанной семы могло возникнуть позже значение «обрабатывать (материал), выделять (дубить)», актуальное и в современном русском языке (ср. *выделка*).

В четвертом параграфе объектом исследования становится микрогруппа глаголов с гипосемой «трудиться на земле, обрабатывать (землю)», которая, будучи весьма малочисленной, включает глаголы **дѣлати**, **копати**, **орати** и их дериваты, а также один периферийный элемент в виде словосочетания **сътворити копаніє**. Указанные

лексемы отражают представление о трудовом процессе, связанном с обработыванием земли. Объектом действия в данном случае оказывается земля (необработанная, не-возделанная), которая превращается в результат (обработанная, возделанная земля) при условии, что на ней трудится человек, применяя свой физический труд и используя подручные средства, характерные исключительно для данного вида трудовой деятельности (лопата, мотыга, плуг, борона и т. п.). Таким образом, элементы рассматриваемой микрогруппы также актуализируют сему «придавать законченный вид, т. е. доводить до совершенства», являющуюся составным компонентом значения «обрабатывать». Глагол *дѣлати* мы относим к зоне ближней периферии, так как на протяжении XI – XIV веков он оказывается самым частотным репрезентантом семемы «трудиться на земле, обрабатывать (землю)», несмотря на то, что указанная семема не является для него ядерной. Употребление с одними и теми же лексемами приводит к закреплению в его семантике определенного значения, которое первоначально было «синтагматически связанным» (Д.Н.Шмелев). Несмотря на тенденцию к специализации в семантике глагола *дѣлати*, обобщенность представления о процессе труда, связанного с обработкой, возделыванием земли, оказывается причиной использования экспликаторов, конкретизирующих широкое значение лексической единицы и называющих специфический способ обработки земли, например, глагола *орати*.

Интересующая нас семема остается актуальной и в случае транспозиции, когда сема «обработанный, т.е. доведенный до совершенства», будучи основанием для метафорического переноса, сводящего в одном познавательном акте конкретное (невозделанную землю, поле) и абстрактное (неразвитую душу), становится особенно яркой и эксплицитной, поскольку метафора концентрирует на ней внимание реципиента. Уподобление в данном случае оказывается возможным благодаря актуализации микрополевой архисемы «трудиться, т.е. прикладывать усилия» («*доуша несдѣлана*»).

Интерес представляет тот факт, что из синонимичных глаголов *копати* и *орати*, репрезентантов древнейших сем «разделять» и «обрабатывать землю», в современном русском языке остается актуальным только глагол *копать*, когда место *орати* занимает глагол *пахать*, за исключением диалектного употребления. Думается, что это предпочтение связано с избыточным сосуществованием столь близких генетически слов, поэтому появляется необходимость разграничения двух разных процессов обработки земли: конания и пахоты, для чего вполне подходил глагол *пахать*, восходящий к о.-с. **pachati*, **pasti* и к и.-е. корню *-*pa-* «кормить», «пасти», «питать» > «возделывать землю» (Сл. Черных). Семемы «пасти» и «пахать» закрепляются за одним корнем не слу-

чайно: возможно, именно пастбища было выгодно использовать для посева. С другой стороны, семемы «кормить» и «пахать» также обнаруживают определенные связи, поскольку для древнего человека возделанное (т.е. вспаханное и засеянное) поле было гарантом обеспеченного существования, достаточного количества пропитания в будущем году.

В пятом параграфе исследуется микрогруппа глаголов с общим значением «трудиться на строительстве, строить», которая насчитывает наибольшее количество конstituентов (*зѣдати, ставити, стронити, градити, роуѣити, заложити, сътвори-ти, съвършити, съдѣлати, въздвигнути, чинити, творити, мостити*), отражающих представление о трудовой деятельности, объектом которой оказывается не некий гомогенный материал, предмет, а множество предметов, материалов (объект эклектичен). Но в то же время под объектом понимается и сам процесс строительства, сооружения какой-либо постройки, превращения эклектичных частей (строительных материалов) в единое законченное произведение труда (т.е. в результат – строение). Строительство есть процесс созидания, и именно на это созидание направляются все человеческие силы и ресурсы. В структурном отношении микрогруппа с общим значением «трудиться на строительстве, строить» представляет собой многоуровневое иерархическое образование. В области ближней периферии выделяются две функциональные зоны, рассматриваемые в соответствующих пунктах параграфа: зона активных элементов, в которую вошли самые частотные конstituенты микрогруппы (*параграф 5. 1*), и «анемичная» зона, включающая низкочастотные лексические единицы, в семантике которых сема «строить» занимает доминирующее положение (*параграф 5. 2*). Конstituенты дальней периферии описываются в *параграфе 5. 3* данной главы. Исследование показало, что на разных этапах развития древнерусского языка в пределах рассматриваемой микрогруппы происходит перегруппировка единиц, в результате чего доминируют разные элементы. На протяжении четырех столетий актуальным репрезентантом интересующего нас значения остается глагол *зѣдати*, который, наряду с лексемой *ставити*, относится к зоне «активных» конstituентов микрогруппы. Будучи абсолютной доминантой в XI – XII вв., в XIII – XIV вв. лексема *зѣдати* в указанном значении становится менее употребительной, но сохраняет свою семантическую актуальность. В случае переносного употребления представление о процессе строительства соплагается с представлением о развитии духовного мира человека, причем акцентируется внимание на семантических признаках «формировать», «доводить до совершенства, доделывать».

Вторая глава «Микрополе глаголов с общим значением «действовать, поступать» в древнерусском языке XI – XIV вв.» включает шесть параграфов, в каждом из которых рассматриваются одна из четырех микрогрупп указанного микрополя, словосочетания исследуемых глаголов с субстантивом *дѣло* и тавтологические сочетания соответственно. Данное микрополе объединяет глагольные лексемы, обозначающие абстрактное действие, субъектом которого является человек либо высшая сила, Бог.

Первый параграф посвящен анализу ядерной микрогруппы с гипосемой «действовать, поступать», которая, по нашим данным, включает лексемы, репрезентирующие идею действия, поступка вообще в недетерминированном виде, иными словами, в семантике ядерных единиц микрополя не содержится конкретизирующих сем. К ядру микрополя с архисемой «действовать, поступать» относятся глаголы *творити*, *сътворити*, *дѣлати*, *дѣяти*, *дѣиствовати*. В параграфе описываются и периферийные единицы *трудити* *сѧ*, *устронти*, реализующие единичными примерами интересующее нас значение. Ядро, таким образом, не имеет строго очерченных границ, но тем не менее обладает явно выраженной двухуровневой структурой, в которой выделяется центр и слабая, «анемичная» зона, т.е. зона низкочастотных единиц. В ходе контекстуального анализа были выявлены доминирующие репрезентанты значения «действовать, поступать» в древнерусских текстах XI – XIV вв. – глагол *творити* и его дериват *сътворити*. По нашим данным, последний наиболее активно начинает функционировать с XII века. Указанные лексемы широко используются в памятниках древнерусской письменности различных жанров (летописях, грамотах, поучениях, богослужебной литературе). Однако обращает на себя внимание то, что в светских памятниках в большинстве случаев они встречаются в составе цитат из Библии, что не могло не повлиять на появление стилистической окрашенности у лексемы *творить* в современном русском языке. Высокая частотность указанных глаголов связана с их семантической полифункциональностью. Их доминирующее положение в интересующем нас микрополе обусловлено генезисом корня *-tvor-*, поскольку уже в индоевропейском языке в его семантике фиксируется сема всеохватывающего действия – «хвататься, охватывать, обрамлять», развитие которой приводит к появлению в общеславянском языке значения «творить», что дает возможность номинировать акт созидания, творческий процесс, характерным признаком которого является наличие изменений в окружающем реальном мире. Поэтому творческая сила, создавшая мир, получает название творец. Но впоследствии семантика корня расширяется и возникает значение «действовать, поступать», «совершать (какое-либо действие)», что представляется вполне за-

кономерным, ибо любое действие, любой поступок человека накладывает отпечаток на мир, причем независимо от того, осязаем ли мы эти следствия наших и чужих поступков либо нет.

К «анемичной» зоне ядра относятся единицы, репрезентирующие архисему микрополя «действовать, поступать» без конкретизации, в предельно обобщенном виде, но с меньшей активностью. Таковыми являются этимологически родственные глаголы *дѣяти*, *дѣиствовати*, *дѣлати*, в семантической структуре которых указанная семема занимает доминирующее положение, о чем свидетельствуют данные словарей. Необходимо добавить, что именно смысловая двуслойность, искони присущая глагольному корню *-dĥē-, т. е. наличие двух центров в его семантической структуре: «действовать» > «трудиться», послужила причиной многофункциональности данной единицы в современном русском языке, что не обнаруживают этимологически родственные глаголы *деять* и *действовать*, а также явилась условием его десемантизации (А.А.Уфимцева), связанной с широкими референционными связями. В некоторых романо-германских языках тенденция к десемантизации проявилась более отчетливо, в частности, в английском языке глагол *do*, а во французском – *faire* могут выступать в качестве вспомогательных глаголов в составе сложных временных форм.

Во втором параграфе рассматриваются конститuentы микрогруппы глаголов с общим значением «совершать, производить (действие)». Исследование показало, что в данной функции в древнерусских текстах могли выступать глаголы *творити*, *сѣтворити*, *дѣлати*, *дѣяти*, *сѣвършити*, *чинити*, а также *строити*, *работати*, *быти*, *приключитися*, *приносити*, *въздавати*, *възвестити*, *глаголати*, реализующие указанную семему в единичных случаях и являющиеся конститuentами диффузной зоны микрополя. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что каждому значению многозначного слова соответствует и определенный набор предложно-падежных конструкций, у глагола же – набор мест предиката, соответствующих участникам (актантам) описываемой в высказывании ситуации, что особенно важным оказывается тогда, когда значения лексем вычленяются большей частью посредством проведения контекстуального анализа текстов, поскольку многовековая дистанция, разделяющая носителей древнерусского и современного русского языков, несомненно, существенно затрудняет перевод. Поскольку реализация интересующей нас семемы предполагает наличие определенного лексического окружения, постольку и определение значения лексем в тексте в данном случае производится с учетом семантики управляемых глаголами местоимений, субстантивов и субстантивированных адъективов. Причем в гла-

гольно-местоименных сочетаниях идея совершения какого-либо действия передается в общем виде, в то время как в сочетаниях с существительными и прилагательными – конкретизируется посредством номинации самого действия (например, молитва, служба и т.д.) либо его квалификации (благон, правдн, угодн Богу, непобн, бесчинн, недостоин). В связи с этим наиболее продуктивным представляется исследование разных способов реализации семемы «совершать, производить (действие)» в отдельных пунктах. Так, в параграфе 2. 1 анализируются конститuentы микрогруппы глаголов с общим значением «совершать, производить (действие)» в сочетании с местоимениями, в частности, с указательными (то, се, такон, таковон), определительными (все, инон), вопросительно-относительными (что, елико) и отрицательным (ничто). Перечисленные местоимения, в силу своих морфологических особенностей, не могут конкретизировать значение управляющего глагола, ибо указывают на действие и его результат, но не называют их; они лишь довольно отчетливо иллюстрируют интересующее нас значение. В параграфе 2. 2 объектом исследования становятся конститuentы микрогруппы глаголов с общим значением «совершать, производить (действие)» в сочетании с субстантивами и адъективами.

В древнерусских памятниках XI – XIV веков обнаруживается значительное количество глагольно-именных сочетаний, в которых глагол управляет именем существительным, а также лексикализированным прилагательным, обретающим грамматические свойства субстантива. Имен существительных, зафиксированных в составе подобных сочетаний, достаточно много. Так, по данным контекстуального анализа, с рассматриваемыми глагольными лексемами могли сочетаться субстантивы добро, правда, благодать, благо, доброта, угодн, чудо, исцеленн, милость, бесрамн, мирь, зло, безаконн, неправдн, лих, грх, првгршенин, ослуха, прелюбы, блудь, убийство, братоубиенн, подвиг, знаменн, леть, вина, пакость, служба, молитва, молба, пасха, память, тризна, гнн, плачь, рыдание, хвала, поклонение и другие. Перечисленные лексемы относятся к разряду абстрактных существительных, поэтому высокая частотность подобных сочетаний вполне объясняется спецификой семантики управляющих глаголов, репрезентирующих идею совершения некоего действия, неких манипуляций. Следует отметить также, что глаголы с общим значением «делать» обладали широкими референционными связями, следовательно, семантической многослойностью, которая, в свою очередь, требовала уточнения, конкретизации, что и могло осуществляться только на синтагматическом уровне. Как свидетельствуют данные нашего исследования, управляемый глаголом субстантив в винительном падеже

указывает либо на свойство, характер совершаемого абстрактного действия (поступка) и его результат, позитивный или негативный поступок, которому присваивается некоторый признак (зѣло, грѣхъ, милость, беззаконик и т.д.), либо на комплекс действий, представляющий собой некий довольно в большей степени обозримый и осязаемый процесс, в частности служба, зачастую именно церковная, и ее непосредственные составляющие: пение, славословие, то есть хвала, молитва, коленопреклонение и т.д.

В третьем параграфе исследуются лексемы, вошедшие в микрогруппу с интегральной семой «причинять, приносить». Семантическая специфика лексем, составляющих данную микрогруппу, состоит в том, что, помимо представления о совершении некоторого действия, в значении глагольных лексем содержится указание на наличие косвенного объекта действия, или адресата, выраженного субстантивом в дательном падеже. В упомянутой дистрибуции глаголы реализуют семему «совершать некоторое действие по отношению к кому-либо, то есть причинять, приносить» и, с точки зрения их валентности, могут быть определены как трехместные предикаты, поскольку одновременно сочетаются с существительными со значением субъекта, объекта (= результата) и адресата действия. Как свидетельствуют материалы нашего исследования, в период с XI по XIV вв. наиболее активно рассматриваемую семему репрезентируют глаголы творити и его дериват сътворити, отнесенные в зону ближней периферии микрополя с интегральной семой «действовать, поступать». К зоне дальней периферии мы относим конститuentы, реализующие отмеченную семему с меньшей активностью. Таковыми являются глаголы дѣлати, съдѣлати, чинити, у которых словари древнерусского языка вообще не фиксируют семему «причинять, приносить», указывая лишь на значение «делать, совершать, поступать». В зоне диффузных конститuentов располагаются лексемы, встречающиеся в единичных случаях в поздних памятниках. Рассматриваемые глаголы в древнерусских текстах сочетаются с абстрактными субстантивами, характеризующими действие как позитивное, конструктивное и реализуют семему «совершать (позитивное) действие по отношению к кому-либо, приносить»: добро, благо, правда, надежда, жизнь, уютіе, утѣха, радость, веселие, хвала, благодать, щедрота, милость, милостыня, любовь, избавление, спасение, кротость, миръ, тишина, обиліе, помощь, польза, почѣстие, чѣсть. Спектр управляемых глаголами существительных, выполняющих функции объекта = результата и обладающих негативной атрибутивной семантикой, также довольно широк: зло, насилье, спира, скорбь, съпона, пакость, напасть, печаль, вередъ, моукы,

мѣсть, отмѣщение, обида, бещѣстик, понось, погыбѣль. В указанных сочетаниях глаголы репрезентируют значение «совершать (негативное) действие по отношению к кому-либо, причинять». В позиции адресата действия, или лица, претерпевающего воздействие субъекта (позитивное либо негативное), чаще всего оказываются некий конкретный человек, сверхчеловеческая сила – Бог или дьявол, реальные исторические лица, причисленные к лику святых.

В четвертом параграфе внимание концентрируется на конstituентах микрогруппы глаголов с общим значением «выполнять» в древнерусском языке XI – XIV вв., которые также репрезентируют представление о совершении некоторого абстрактного действия. Конкретизация этого представления осуществляется за счет семантики зависимых от глаголов субстантивов, реже причастий и прилагательных. Однако значение интересующих нас глагольных единиц обогащается посредством актуализации новой семы «совершать действие» + «заданное действие» > «выполнять». Таким образом, по смыслу глаголы соотносятся с двумя референционными сферами: прецедентная ситуация, в которой действие задавалось, и ситуация, в которой действие собственно производится или фиксируется. Указанные реализации отмечены у глаголов сътворити, творити, съвършити, дѣлати, исполнити, дѣяти, сконьчати, стронти, дати, съблюдати. В значении «выполнять» перечисленные выше лексемы могли сочетаться с древнерусскими субстантивами двух семантических типов: 1) со значением желательности действия: воля, прошение, похотѣник, хотѣние, желание, съвѣтъ; 2) со значением долженствования: вѣщаник, обѣтъ, повелѣник, заповѣдь, оуставъ, законъ, обычаи. В семантике субстантивов первой группы не содержится указания на жесткую необходимость какого-либо действия или действий. К этому семантическому типу можно отнести и причастие мышленное. Имена второй группы обобщенно называют действие регламентированное и предписанное или требуемое. Такими же признаками маркируется семантика причастий повеленок, глаголанок, реченое, слышаное, вѣщаное и прилагательного законное.

Пятый параграф посвящен рассмотрению словосочетаний с существительным дѣло в древнерусском языке, поскольку описание функциональной области реализации значения «делать» было бы неполным без анализа указанных синтагм. В то же время обращение к подобным сочетаниям связано с необходимостью определения статуса тавтологического сочетания дѣло дѣлати. Так, единицы исследуемого семантического поля, а именно творити, сътворити, съвършити, дѣлати, дѣяти, стронти, с разной частотностью фиксируются в составе указанных сочетаний. Как

свидетельствуют данные проведенного контекстуального анализа, в древнерусских текстах интересующее нас словосочетание подвергается модификации трех типов: в семантическом плане – содержательной (глагол мог реализовать либо семему «совершать», либо – «выполнять»), в формальном плане – качественной (мена управляющего глагола) и количественной (распространение посредством включения одиночного либо распространенного определения), – что свидетельствует в пользу идентификации данных сочетаний как свободных. Следует отметить, что характеристика действия содержится зачастую в семантике прилагательного, поскольку существительное **дѣло**, как и образованный от него глагол **дѣлати**, было и остается полисемичным, следовательно, может относиться к широкому кругу денотатов, обозначая труд, работу, поступок, ремесло, орудие и т. д. Обобщенная номинация действия восполнялась информацией о его нравственной, этической ценности, то есть аксеологической характеристикой. В функции маркеров в рассматриваемые сочетания входили адъективы с пейоративной семантикой (М.М.Копыленко, З.Д.Попова) (**срамнок**, **неподобнок**, **стоудьнок**, **тьмьнок**, **злок**), а также с непейоративной семантикой (**доброк**, **красьнок**, **днвьнок**, **мужьскок**).

Из сказанного следует, что подобные сочетания не имели статуса несвободных, а их образование свидетельствует о многоуровневых семантических связях единиц рассматриваемого поля (отношения субституции в рамках определенных синтагм).

В шестом параграфе рассматривается функционирование в древнерусском языке конструкций с намеренным использованием однокоренных глагола и существительного, или тавтологических словосочетаний, под которыми понимаются и собственно глагольно-именная синтагма, в которой глагол управляет субстантивом в винительном падеже, и использование в едином контексте однокоренных или генетически родственных слов (например, **дѣяние дѣлати**). В составе упомянутых словосочетаний фиксируются многие глагольные лексемы, являющиеся единицами рассматриваемого семантического поля с архисемой «делать». Одни из них относятся к зоне конкретного действия (**троудити сѧ**, **зѣдати**, **поставити**, **строити**, **сѣградити**, **дѣлати**, **придѣлати**, **мостити**), другие – к зоне абстрактного действия (**дѣлати**, **дѣяти**, **дѣиствовати**, **приносити**). Следует также упомянуть и об употреблении в составе интересующих нас словосочетаний глаголов, реализующих иные значения: **хвалити**, **веселити**, **сѣгрѣшити**, **сѣдити**, **начинати**. Как свидетельствуют приведенные примеры, использование сочетаний однокоренных глагола и субстантива не обнаруживает стилистической детерминированности: сочетания встречаются в памятниках различ-

ных жанров. Думается, что образование подобных тавтологических синтагм можно было бы связать с действием закона сингармонизма, действовавшего на фонетическом уровне в древних славянских языках и требовавшего артикуляционного подобия в пределах одного слога. Материалы нашего исследования позволяют предположить, что этот закон мог действовать не только на уровне фонетики, но и на семантико-синтаксическом уровне и требовал не только семантического, но и генетического подобия (т.е. общей корневой семантики или этимологического родства) от лексических единиц в пределах одного высказывания. Требование гармонии, или единообразия, в семантике, а также исключительно фонетического созвучия могло стать причиной появления указанных сочетаний. В связи с этим представляется уместным определение тенденции к образованию и употреблению этимологических фигур как явления семантического сингармонизма. Как нам видится, данное явление было обусловлено стремлением сделать речь более выразительной, звучной, подобной песне, поскольку сочетания, построенные в соответствии с принципом семантического сингармонизма, несомненно, гораздо более гармоничны по своему фонетическому оформлению. Неслучайно с его рудиментами в современном языке мы сталкиваемся только в фольклорной традиции, в народнопоэтическом творчестве или диалектах (например, *горе горевати, думу думати, сказку сказывати, пир пировати, ночь ночевати, вечер вечеряти*), или в текстах древнерусских молитв.

В заключении излагаются основные выводы:

1. Рассматриваемые лексические единицы, представляющие древнейший лексический пласт, будучи высоко информативными, обнаруживают широкие референционные связи. В семантической сфере указанного значения с древнейших времен (эпохи индоевропейского языкового сообщества) фиксировалось два основных представления – о делании как труде и как поступке. Таким образом, результаты этимологических разысканий навели нас на мысль о дихотомичной семантической природе интересующего нас значения и позволили рассматривать семантическое поле с архисемой «делать» как полицентрическое, лишенное гомогенной структуры (А.В.Бондарко), обнаруживающее две основные зоны высокой концентрации, «сгущения» смысла, которые получили свои названия в соответствии с репрезентируемыми семемами «трудиться, заниматься каким-либо трудом» и «действовать, поступать».

2. Архисема «делать», задающая интегральную семантику поля, в значении полевых конститuentов подвергается разной степени конкретизации, что приводит к сужению их семантического объема, следовательно, к снижению степени обобщенности

ядерной семы. Для микрополя с общим значением «трудиться» компонент «трудовой процесс» является категориальной семой, единственно возможной на принятом уровне абстракции, которая далее членится на гипосемы «трудиться над изделием», «трудиться на земле», «трудиться на строительстве», конкретизирующие ядерную семантику микрополя посредством специализации описания трудового процесса и интегрирующие глагольные лексемы в соответствующие микрогруппы. Если сема «трудиться, заниматься каким-либо трудом» выступает в качестве интегрирующей в данном микрополе, то семы «тип объекта действия» и «тип результата действия» – в качестве дифференцирующих, конкретизирующих ядерное значение микрополя. Таким образом, лексические единицы в контексте микрополя представляют собой сегменты целого множества и трактуются как его варианты. Интегральная сема микрополя с общим значением «действовать, поступать» уточняется посредством дифференциальных сем «характер результата действия», «характер объекта действия», «наличие косвенного объекта», «наличие прецедентной установки, то есть заданность действия». При этом дифференциальные признаки обуславливаются характеристикой и семантикой глагольных актантов.

3. Семантика конститuentов микрополей с гипосемами «трудиться» и «действовать» предопределяет специфическое общее свойство глагольных актантов, в частности синкретизм выражения объекта и результата действия (в субстантиве, адъективе, причастии, словосочетании).

4. В семантическом пространстве глагольного поля обнаруживаются разнообразные оппозитивные связи. Так, отношения между ядерными микрополевыми семами «трудиться» и «действовать, поступать», а также между гипосемами, передающими идею трудового процесса, можно определить как эквиолентные, в то время как отношения ядерных и периферийных сем в каждом микрополе – как привативные. Как привативные маркируются и связи гипосем микрогрупп с общим значением «совершать» и «причинять, приносить», различающиеся семой «наличие косвенного объекта, адресата», а также «совершать» и «выполнять» (последняя семема как маркированный член оппозиции содержит сему «(заданное) действие».

5. Наше исследование показало, что в рассматриваемый период лексическая система древнерусского языка довольно активно развивается. Однако развитие осуществляется по разным направлениям: специализация семантики, закрепление за определенной сферой деятельности; расширение функциональной зоны, укрупнение семантического объема. Так, семантика глагола *трудити сѧ* с течением времени конкрети-

зируется: номинация действий, требующих значительных физических затрат, модифицируется в обобщенное обозначение трудового процесса, а семантика глагола **дѣлати** в процессе развития русского языка расширяется в столь значительной степени, что зачастую это приводит к его делексикализации.

6. Немаловажным в процессе развития значения в семантической структуре какой-либо лексемы может оказаться, по нашим наблюдениям, совпадение ассоциативных представлений о действии и, следовательно, отношения к нему с фонетическим оформлением слова, иначе говоря, с тем «семантическим ожиданием», которое появляется у слушающего в момент восприятия звукового комплекса (закрепление в семантике глагола **трудити сѧ** семемы «трудиться, заниматься трудом»).

7. Лексико-семантическая система древнерусского языка XI – XIV веков обнаруживает достаточную мобильность и подвижность. Об этом свидетельствуют факты перегруппировки семантических компонентов в значении лексем, вследствие чего наблюдаются такие употребления, в которых семантические компоненты реализуются одновременно (в частности, глагол **работати** в некоторых случаях реализует семемы «служить, работать на кого-либо» и «заниматься трудом»). Диффузные семантические явления представляются особенно важными для исследования истории русского языка, поскольку обнажают механизмы его развития, указывают на те «пограничные», с точки зрения семантики, моменты, когда намечается новое, еще редкое, окказиональное употребление, которое при известных условиях (общеизвестность, распространенность, точность и недублируемость номинации) станет актуальным, реальным значением слова.

8. Составляющие рассматриваемое лексико-семантическое поле лексемы функционируют не автономно, но обнаруживают семантические связи, которые проявляются в дублирующих контекстных условиях реализации значений. Указанный факт влечет за собой субституцию одной лексемы другой даже тогда, когда семемы глаголов не совпадают, и, следовательно, появление у какой-либо лексической единицы нехарактерного для нее употребления. Так, глагол **дѣлати** по аналогии реализует несвойственные ему функции глагола **работати** (семемы «работать по найму» и «служить»), глаголы с конкретной семантикой под влиянием глаголов с абстрактным значением репрезентируют отвлеченные семемы: **строити** («действовать»), **работати** («совершать»), **трудити сѧ**, **чинити** («причинять»), **зѣдати** («производить, творить»). В данном случае допустимо говорить о давлении контекста на слово, о явлении синтагматической аналогии, под которой мы понимаем феномен ассимиляции семем.

Данное явление обуславливается тесными семантическими связями лексических единиц в исследуемом глагольном поле, а также и тем, что носителю языка на любом этапе языковой эволюции присуще «ощущение» семантического поля.

9. Семантическое поле древнерусских глаголов с общим значением «делать» обладает слабо выраженными внутренними границами: организующие его микрополя обнаруживают тенденцию к взаимопроникновению, конститuentы не только одного микрополя, но разных микрополей могут вступать в отношения субституции, заменять друг друга. Внешние границы рассматриваемого семантического поля также очерчены нечетко, ибо наличие диффузной зоны, включающей элементы иных семантических полей, препятствует его замкнутости, ограниченности. В связи с этим уместно предположить, что древнерусская языковая система XI – XIV вв. в целом неэклeктична, поскольку составляющие ее лексические поля, обнаруживая разнообразные семантические связи, пересекаются и взаимодействуют.

10. Обращает на себя внимание и тенденция к специализации лексических средств, которая становится наиболее заметной к XIII – XIV вв. Свое выражение она находит в увеличении числа вариативных употреблений, в случаях замены конститuentов микрополя с гипосемой «действовать, поступать» более специализированными глагольными лексемами (пакостити, насняти, хвалити, приносити, грѣшити, глаголати, являти). Данный факт демонстрирует обогащение лексического состава языка посредством не только заимствований, но и собственных языковых ресурсов, активизации деривационных процессов.

11. В ходе контекстуального анализа текстов нами обнаружены тавтологические глагольно-именные словосочетания, в которых глагол управляет однокоренным или генетически родственным субстантивом в винительном падеже. Обратившись к функционированию подобных тавтологических синтагм, мы пришли к выводу, что тенденцию к их образованию и употреблению уместно было бы определить как явление семантического сингармонизма, которое предполагает на семантико-синтаксическом уровне генетическое подобие (этимологическое родство) лексических единиц в пределах одной синтагмы либо высказывания.

12. Интерес представляет и уникальное явление экспонирования семантикой древнейших глагольных лексем с идентифицирующей семой «действовать, поступать» модели трехмерной аксеологической системы: действие и действующий субъект находятся на пересечении двух осей – онтологической (горизонталь) и трансцендентальной (вертикаль), так организуется третья ось – человек, действующий субъект. Таким об-

разом, лексическими средствами репрезентируются архаические представления о ценностных аспектах человеческой деятельности.

Выполняя наше исследование на материале древнерусских памятников XI – XIV вв., мы стремились создать по возможности полное представление о системе лексических средств, выступающих в роли репрезентантов значения «делать», а также об их функционировании в языке и характере семантических отношений в пределах общего смыслового пространства, семантического поля. Однако необходимо заметить, что всякая реконструкция какого-либо явления носит отчасти условный, конвенциональный, характер. В особенности это касается воспроизведения лингвистических фактов, лексической системы языка либо ее подсистем, каковой является лексико-семантическое поле, и в большей степени – семантических отношений между лексическими единицами. Тем не менее указанные трудности изучения лишь усиливают исследовательский интерес к древнерусскому языку, обусловленный наличием недостаточных сведений о лексико-семантической системе древнерусского языка в целом, ее структуре и семантических связях лексем.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Функционально-семантические аспекты исследования группы глаголов со значением «делать» в диахроническом плане // XXX Научная конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Тезисы докладов: В 7 ч. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1998. С. 6 – 7.

2. Экстралингвистические факторы в диахроническом исследовании лексической системы // Проблемы филологических наук: Материалы постоянных научных семинаров. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2000. С. 23 – 27.

3. Функционально-семантический анализ группы глаголов со значением «делать» в диахронии // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2000. С. 113 – 122.

4. Семантическое поле глаголов с идентифицирующим значением «делать» в древнерусском языке (на материале Успенского сборника) // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2001. С. 66 – 75.

5. Текст Мстиславова евангелия как отражение менталитета древнерусского человека // Человек. Язык. Искусство: Материалы научно-практической конференции 14 – 16 ноября 2001 г., МПГУ. М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 2001. С. 121 – 123.

6. Метод семантического поля в диахроническом исследовании языковых единиц

// Русский язык. Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка 13 – 16 марта 2001 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 137 – 138.

7. Роль этимологических данных при выделении глагольного поля с общим значением «делать» // Проблемы филологических наук: Материалы постоянных научных семинаров. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2001. С. 9 – 10.

8. Глагольная семантика и структура лексико-семантического поля глаголов с общим значением «делать» (на материале древнерусского языка XI – XIV вв.) // Кирилл и Мефодий: Духовное наследие: Материалы Международной научной конференции. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та. 2001. С. 123 – 131.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters that appear to be 'V. Kozlov'.